

Волгоградский государственный педагогический университет

На правах рукописи

СУРОДИНА Наталья Ряфиковна

**Лингвокультурологическое поле концепта «пустота»
(на материале поэтического языка московских концептуалистов)**

10.02.19 – Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:
доктор филологических наук, профессор
В. И. ШАХОВСКИЙ
кандидат философских наук, доцент
Л. В. ЩЕГЛОВА

Волгоград – 1999

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Развитие исследований в области лингвокультурологии (Воробьев, 1994, 1998; Маковский, 1996, 1997; Телия, 1996; Маслова, 1997; Снитко, 1999 и др.) во многом объясняется актуализацией проблемы «язык и культура» в рамках новой парадигмы. Разработка вопросов лингвокультурологии ведется в нескольких направлениях. Одним из них, на наш взгляд, продуктивным и важным, является логико-философский подход к изучению соотношения языкового значения и культурного смысла, выраженного в поэтических текстах.

Исследование сущности языкового значения как результата специфического отражения объективного мира связано с изучением природы отражаемых объектов, существа самого отражения как феномена мышления, сознания, языка, а также способов существования и механизмов функционирования значения в пространстве культуры.

Главный интерес в границах нашего исследования представляет способность языка отражать достаточно широкие абстракции (в нашем случае – пустоту), наделяя их статусами феномена и понятия. В языке происходит также объективация концепта «пустота».

Понятие «пустота», несмотря на свою кажущуюся ненаучность и противоречивость, продолжает играть все более важную роль в современных лингвофилософских и лингвокультурологических теориях (Лотман, 1992; Топоров, 1995; Эпштейн, 1993; Хайдеггер, 1993; Яковлева, 1994 и др.). На данный момент существует достаточное число философских трудов, в которых решается вопрос бытия \ небытия, немалое количество работ, посвященных онтологическим и феноменологическим проблемам русского языка конца XX столетия и эстетическому своеобразию московской концептуальной поэзии. В том числе многие лингвисты обращают внимание на феномен «русского пустого пространства» (Яковлева, 1994), опустошенность современных языковых и культурных форм (Русский язык конца XX столетия, 1996).

Однако остается без внимания описание вербального выражения понятия «пустота» в современных поэтических текстах, с одной стороны, и имманентной пустоты русского новояза - с другой, что позволяет констатировать актуальность нашего исследования.

Исследование и дескрипция механизма конкретизации пустоты в символах и образах, а также ее концептуализации находятся на стыке целого ряда актуальных для общего языкознания проблем. Включение

экстралингвистических элементов смысла в область языковой семантики вносит в языкознание комплекс философских, логических, психологических ассоциаций и традиций.

В границах исследования внутренней структуры концепта «пустота» и окружающего его смыслового поля важным является восприятие языковым сознанием носителей русского языка кризисных процессов, происходящих в культуре второй половины XX столетия. Исчезновение чувства уверенности и надежности, которое в свое время придавал «культурный канон», выражается в современной культуре прежде всего в возникновении чувства внутренней опустошенности. И тем не менее, для нашего исследования важнее не социологическое, а лингвокультурологическое освещение феномена пустоты. В работе уделяется пристальное внимание отражению сложного феномена пустоты в русском языковом сознании.

Участившиеся обращения поэтического творчества и обыденной речи к мотиву пустоты и теме опустошения вызывают предположение, что концептуализация пустоты в современной русской лингвокультуре – процесс живой и неоконченный.

По нашему мнению, перенос акцента с исследования самодовлеющей «языковой системы» на анализ концептуальной системы, осуществляемый в лингвокультурологических работах последних лет (Степанов, 1997; Вежбицкая, 1996, 1999 и др.), не приводит к утрате объективности и общности лингвистических теорий. Более того, это создает методологически обоснованную и теоретически перспективную программу концептологических исследований, направленную на раскрытие роли как языковых, так и неязыковых факторов в концептуальном освоении мира.

Структура мышления, отображаясь в языковых формах, наиболее адекватно и полно воплощается в речи, то есть в структуре тех видов и разновидностей словесных произведений, которые создаются с помощью языка. В первую очередь имеются в виду поэтические тексты. Словесный материал поэзии, вобравший в себя особенности менталитета, национальную специфику и индивидуальные авторские интенции, становится благодатной почвой для лингвокультурологических изысканий.

Поэтический язык, с одной стороны, субъективен и синхронен, с другой - объективирует проблемы и образы массового сознания и реальности. Поэтому способ редуцирования взгляда на явление, уже ставшее явлением сознания, эффективно работает на материале поэтического концептуализированного языка, а лингвистические методы дают возможность подтвердить наши выводы научным исследованием.

Объектом изучения являются поэтические представления о пустоте в текстах московских концептуалистов: Д.А.Пригова, Л.С.Рубинштейна, Т.Кибирова. Выбор объекта диктовался необходимостью изучать лингвокультурологическую концептуализацию понятия «пустота» и особенностями поэтики московского концептуализма: философичностью и рефлексивностью. Концептуальная поэзия отражает русский менталитет и работает с языковыми выражениями этой ментальности.

Предметом изучения являются лингвистические средства выражения представлений о пустоте в поэтических текстах русской современной поэзии (концептуализма).

Цель работы состоит в системном описании лингвокультурологической специфики понятия «пустота», особенностей его отражения в поэтических текстах русской концептуальной поэзии.

Для достижения поставленной цели решались конкретные задачи:

- определение содержательного минимума и объема понятия «пустота», аккумулируемых языком и эксплицируемых в поэтических текстах;
- формулирование условий и способов концептуализации пустоты в русской лингвокультуре;
- разработка модели лингвокультурологического структурирования концепта «пустота»;
- описание парадигматических связей концепта «пустота» в границах лингвокультурологического поля.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в работе определены характеристики концепта пустота в поэтическом тексте; впервые произведена попытка моделирования структуры лингвокультурологического поля, ядром которого является концепт; выявлены и описаны ассоциативные связи концепта «пустота» с другими концептами в границах лингвокультурологического поля.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептологическом моделировании лингвокультурологического поля и уточнении понятий лингвокультурологии и лингвистики поэтического текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут представлять интерес для разработки лингводидактических

основ различных типов учебных пособий по теме «Язык, культура, философия», учебных словарей и справочников этого профиля, и, наконец, - непосредственно для практического преподавания курсов языкознания (раздела «Лингвокультурология») и стилистики.

Теоретико-методологической базой исследования явились следующие принципы и методы познания феноменов языка и культуры:

1) Концептуальный анализ, представляющий собой целый арсенал исследовательских приемов, используемый для описания процесса концептуализации феномена пустоты, становится в нашей работе техникой экспликации концепта «пустота». Объектом анализа является сложное ментальное образование, именуемое словом «пустота». В качестве исходного материала берутся контексты из философско-поэтических сочинений русских концептуалистов. Для интерпретации смыслов привлекается внутренний опыт, присутствует обращение к апперцепционному фону носителя русского языка. В процессе описания концептуализации понятия «пустота» внимание заостряется на языковом чутье и на лингвистической эрудиции поэтов-концептуалистов. Концептуализацией в данной работе мы называем осознанную фиксацию в знаково-символьной форме интуитивно-медитативного постижения сути объекта исследования (Кузнецов, 1992).

В своем исследовании мы опираемся на положения А.Вежбицкой о том, что концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные представления человека о мире «Действительность». Сама же действительность, по мнению А.Вежбицкой, дана нам в мышлении именно через язык, а не непосредственно, и что единственным методом, позволяющим дать адекватную экспликацию концептов, выступает интроспекция (Wierzbicka, 1985).

2) Полевой метод используется в качестве средства моделирования смыслового пространства. В исследовании выстраиваются два вида полей: концептуальное – как внутренняя структура концепта; лингвокультурологическое – как внешнее смысловое окружение концепта с границами и разделенными сферами.

В диссертации под понятием «смысловое поле» понимается семиотическая модель организации сектора экстралингвистической реальности, имеющая сложную структуру, ядром и именем которой является понятие, «околоядерной» сферой – совокупность понятий, тождественных или синонимичных ядру и актуализированных в художественных текстах, а периферией – разброс интерпретаций этих текстов и понятия, противопоставленные понятию-ядру.

3) Этимологический анализ применяется в исследовании для описания дописьменной истории концепта (Степанов, 1997:7).

4) Мотивный анализ (Б.М.Гаспаров): за единицу анализа берутся мотивы, основным свойством которых является то, что они, будучи кросс-уровневыми единицами, повторяются в тексте, варьируясь и переплетаясь с другими мотивами, создавая неповторимую поэтику.

Направление нашей работы: от понятия «картина мира», характеризующего рационалистический взгляд, к понятию «поле» (множественность полей) - определяется «мерцающим» мировоззрением постмодернизма, языковую объективацию которого мы описываем.

Материалом исследования послужили поэтические тексты московского концептуализма (Д.А.Пригов, Л.С.Рубинштейн, Т.Кибиров). Для анализа привлекались также тексты русской и переводной зарубежной поэзии, объединенные темой «пустота». Объем выборки составляет более 7000 единиц речевой актуализации концепта «пустота» в прямом и косвенном выражении.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «пустота» в русской лингвокультуре XX столетия приобретает статус концепта и формирует вокруг себя широкое лингвокультурологическое поле, смысловыми полюсами которого являются признаки «отсутствие» и «потенция».

2. К числу основных способов концептуализации понятия «пустота» относятся: частотность употребления лексических и фразеологических единиц, обозначающих концепт «пустота», в художественных текстах и обыденной речи; ассоциативная насыщенность этого концепта; символизация (ценностная маркированность) концепта «пустота» в русской лингвокультуре.

3. Культурный концепт «пустота» имеет сложную структуру. Его ядерным признаком является 'отсутствие', центральными признаками – 'отрицательность', 'бессмысленность'. Периферия поля объединяет признаки, приобретаемые концептом «пустота» в поэтических текстах, в том числе и противопоставленные по значению центральным.

4. Культурный концепт «пустота» в поэтических текстах московских концептуалистов ассоциативно связан со следующими концептами «энтропия», «страх», «смерть», «болезнь».

Апробация работы. По теме диссертационного исследования автором были сделаны сообщения на научных и научно-практических конференциях различного уровня. В том числе на Всероссийской научно-практической конференции «Творчество и культура» (Екатеринбург, декабрь 1997 г.), на научной конференции «Художественный текст: проблемы анализа и интерпретации» (Волгоград, январь 1998 г.), на международной конференции «Языковая личность: жанровая речевая деятельность» (Волгоград, октябрь 1998 г.). Работа обсуждалась на научных секциях кафедр языкознания, истории и теории культуры ВГПУ, аспирантских семинарах и научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность». Основные положения и выводы исследования отражены в одиннадцати публикациях.

Структура работы определяется поставленными выше конкретными задачами и логикой развития и развертывания основной темы исследования лингвокультурологического поля «пустота». Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографии, Списка лексикографических источников, Списка источников материала, а также Списка символов и сокращений, принятых в работе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрывается актуальность избранной проблемы, определяются научная новизна предлагаемой концепции, ее теоретическая значимость и область практического применения полученных результатов.

Первая глава «Культурная и языковая концептуализация пустоты» посвящена теоретико-философскому описанию понятия «пустота», а также изучению процессов феноменологизации и лингвокультурологической концептуализации изучаемого понятия. Выстраивается внутренняя структура концепта «пустота», выделяются наиболее значимые для лингвистического исследования аспекты выявления концепта на материале поэтического языка.

При сопоставительном знакомстве с понятиями «небытие», «ничто», «пустота» очевидной стала невыясненность их статусов по отношению друг к другу, что обусловило необходимость обращения к дефиниционному исследованию, приведшему в результате к очевидности многостатусности понятия «пустота», объективируемой в работе на языковом материале. Вычленяются основные признаки пустоты, выраженные языковыми средствами. Выявляется, что языковое значение пустоты носит характер семантической отрицательности: 'непроявленность', 'неясность', 'отсутствие', 'бессодержательность', 'лишенность'. Языковые средства отрицания в процессе номинации и дескрипции пустоты обусловлены местом и ролью феномена пустоты. – В оппозиции «бытие – небытие» содержится «нулевой член» – феномен пустоты, принадлежащий сфере бытия, но

обладающий категориальными признаками небытия, которые отражены уже на уровне семантики лексемы пустота. Словарная фиксация основных значений лексемы пустота подтверждает присутствие отрицательности / отрицания (не-, ни-), лишенности (без-, бес-) в описании пустоты: ничем не заполненный, не сплошной, бессодержательный, не имеющий, не удовлетворяющий, не заслуживающие, ничтожный (выборка сделана на основе словарных статей «Пустой», «Пустота» толковых словарей русского языка). Материал словарей и поэтических текстов, проанализированный в работе, подтверждает наше предположение о промежуточной роли феномена пустоты, который определяется через отрицание бытийных структур, сам присутствуя в бытии, сознании и языке.

Так, зафиксированная в словарях последнего десятилетия лексема вакуум имеет два значения: 1. чего, какой. Отсутствие или недостаточность кого, чего-л. нужного, важного, обязательного. 2. Пустота (после утраты чего-л.) (ТСЯИ). Оба значения подразумевают бытийность чего-либо в прошлом, в потенции или в «ином» мире, но описывают отсутствие этого «здесь и теперь».

В работе делается двоякое предположение. Во-первых, что пустота - это категория ментального мира, а во-вторых, осмысление пустоты неминуемо при решении большинства вопросов онтологии. Поэтому анализ понятия «пустота» с позиции феноменологии языка позволяет сформулировать две тенденции:

1. Пустота существует - она независима от человека и его культуры. Это пустота рационально постигаемая, пустота как отсутствие.

2. Пустота - факт осознания, видения мира; объективируя пустоту в языке, человек приобщается к ней и, в какой-то мере, создает ее.

Первая тенденция наиболее явственно прослеживается в истории науки, вторая имеет более древние корни, уходящие в первобытное мышление, мифологию, обретая возрождение в современном поэтическом языке.

Феноменологизация пустоты в нашем исследовании описана как обязательность трех условий: наделенность признаками (характеристиками); уровни проявленности; способы (модусы) проявления.

Причина объективации абстрактного понятия «пустота» в конкретных образах кроется в том, что человек предпринимает попытки оформить пустоту. Но главная особенность феномена пустоты – это ее способность проявлять истинную свою сущность (непроявленность или отсутствие) лишь в бессубъектной сфере. В тот момент, когда появляется субъект – Бог,

культура, человек - пустота искусственно превращается в объект, хотя самому феномену пустоты имманентно присущи силовые интенциональные характеристики, достаточные для самостоятельного бытия.

В сфере языка и культуры пустота подвергается опредмечиванию или заполнению смыслами, что, в конце концов, и дает возможность переводить понятие «пустота» в статус феномена. Дальнейшее появление смысловых и функциональных культурных связей пустоты со стереотипами, архетипами, образами и другими лингвокультурными феноменами является начальным процессом концептуализации пустоты.

В главе прослеживается становление концепта «пустота» в русской лингвокультуре XX века. В процессе описания концептуализации понятия «пустота» выделяются три характеристики. Признаково-понятийная характеристика различает в себе содержание и объем понятия. Содержанием понятия «пустота» является ситуация отсутствия чего-либо в чем-либо. Объемом считается принципиально открытый перечень объектов, обладающих признаком 'отсутствие', что позволяет считать понятие «пустота» «предельным» (Снитко, 1999) для русской лингвокультуры. Образно-предметная характеристика выявляется в работе в процессе анализа мифопоэтического, религиозного и философского векторов концептуализации пустоты, который позволяет засвидетельствовать принцип сознания и языка – передавать общее через отдельное, а также континуальное через дискреты. Именно анализ мифических представлений выявил первичные структуры и объяснил причину объективации абстрактного понятия в различных модусах и конкретных образах пустоты (Хаос, бездна, океан, мгла, вода, зияние и т.д.). Ценностная / оценочная характеристика понятия «пустота» относится к становлению концепта в обыденной речи (в широком смысле, включая паремии и фразеологические единицы), но в большей мере – в поэтическом языке.

Описание становления концепта «пустота» в современной русской лингвокультуре проводится на материале поэтического языка московских концептуалистов. Основными чертами видения пустоты этих поэтов, выявленными с помощью анализа текстов, явились:

- мир как пространство Хаоса, которое имеет во многом мифические смыслы бездны, хляби (Только б хватило нам сил удержаться на этом плацдарме, // на пяточке этом крохотном твердом средь хлябей дурацких .(Т.Кибиров));

- преодоление деления мира на субъект и объект, следствием чего явились символы внутреннего опустошения и актуализация понятия отрицательной антропологии (Через прозрачное меня // Уходит жизнь из

этой сферы // Иные, страшные размеры // Ночами ломаются в меня .
(Д.А.Пригов));

- разрыв, остановка, застывание времени, выражаемое в текстах приемом «дления» (Тишина, тишина // Темнота, темнота. // Ничего, ничего. // Ни фи́га, ни черта. (Т.Киби́ров)).

Знаки пустоты, которыми изобилуют тексты московских концептуалистов, включаются в границы концептуального поля «пустота» и иллюстрируют мифологизированные структуры современной русской лингвокультуры.

Модусный анализ феномена пустоты позволил определить его многоаспектный характер, установить и описать уровни проявления пустоты для человеческого сознания: свобода, молчание, сон, время, «иная» реальность и, наконец, язык.

Набор основных характеристик и способы проявления в языке и культуре определили возможность описывать различные виды пустоты: «осязаемая» (тишина, темнота, глубина, высота), «пустота в сознании» (эпохе, забывание), эмоциональная (чувство внутренней опустошенности, «вспышка» сильной эмоции (гнева, ужаса), тоска, хандра), семиотическая (отсутствие означаемого / отсутствие означающего). Это говорит о бивалентном характере феномена пустоты (одновременное моделирование сознания и реальности).

Проанализированный материал подтверждает положения когнитивной лингвистики о том, что массовому языковому сознанию чужды лежащие в основе научной картины мира жестко определенные аристотелевские категории, принадлежность к которым элемента задается через набор необходимых и достаточных признаков.

Феноменом пустоты, по сложившимся в наивной логике представлениям, считается некое пространство, как правило, ограниченное чем-либо / внутри чего-либо, ничем не заполненное. В структуре концепта «пустота» такое ассоциативно-обыденное представление соответствует прямому значению лексемы пустота . Характер русского мировидения вносит особенную черту в феноменологическое рассмотрение пустоты – безграничность (так называемое «русское пустое пространство»), что является ассоциативно-поэтическим представлением в структуре концепта. Здесь прослеживается явная зависимость русского мировидения от характера русской природы и ландшафта (Страна большая. От Москвы отъедешь - // Так сразу по стране и едешь // Бодрствованием едешь и ночлегом // И вся она покрыта снегом... (Д.А.Пригов)) .

В русском поэтическом метафоризированном языке, как и в обыденной речи, происходит отождествление понятий «пустота» и «пространство» (Опасности и беды мя // Он сверху посмотрел на мя // Но я стоял среди пространства // Высокомерно и бесстрастно (Д.А.Пригов)). Данный феномен русского языкового сознания рассматривается нами в семиотическом ключе, в результате чего выписывается вариативный знаковый ряд «русского пустого пространства»: симуляция, мистификация, «зеркальность», «женскость», номинативность русской лингвокультуры. Причем и в обыденном сознании, и в поэтической системе в рамках понимания пустоты отмечается противопоставленность:

- русской ментальности западной (греческой) (Там, где элинам сияла // нагота и красота, // без конца и без начала // нам зияет пустота (Кибиров));

- русского пространства – нерусскому (Западу, Востоку) (Где ж нет Москвы – там просто пустота (Пригов); На Запад и Восток глядит Милицанер // И пустота за ними открывается (Пригов)).

Культурный феномен «пустое пространство», таким образом, является одновременно членом двух концептуальных полей: «пространство» и «пустота», что и определяет его двусторонний характер (онтологический – реальные географические пустые пространства; семиотический – пустынный и отражательный русский характер).

В главе выявлен и системно описан перлокутивный эффект знака пустоты в поэтическом тексте: расширение информативности интерпретатора, изменения в эмоциональном состоянии, а также эстетический эффект.

Мысль о фундаментальности пустоты, о способности данного феномена опредмечиваться, кодироваться знаковыми средствами, воспроизводиться в текстах и адекватно восприниматься реципиентами, выявленная феноменологией, оказалась плодотворной для лингвистики. Концепт «пустота» как феномен поэтического текста в числе других своих статусных характеристик объективирует множественность семантических интерпретаций пустоты.

Сила воздействия пустоты как знака прежде всего кроется в многоаспектности данного феномена, сложности и многослойности его характера. Основными прагмемами (компонентами прагматического эффекта, либо прагматической стратегии) знаков пустоты в поэтических текстах являются 'власть', 'потенциальность', 'гармония', 'энтропия'; они объединены эмоциональным аспектом воздействия знаков пустоты.

Пустота в тексте может быть представлена разными способами: с одной стороны, она в виде тем может входить в когнитивное содержание текста, с другой – составлять часть прагматических стратегий автора текста.

В качестве иллюстрации данной мысли в работе подробно рассматриваются поэтические тексты, объединенные темой пустоты:

- подтема «власть пустоты» (Тянет, тянет метастазы, // Гложет вечности жерлом. // И практически ни разу // Не ушел никто живьем (Кибиров))

- подтема «потенциальность пустоты» (Когда из тьмы небытия // Росток возрастает бытия (Пригов))

- подтема «пустота - энтропия» (Энтропия, ускоренье, // разложение основ, // не движенье, а гниенье, // обнажение мослов (Кибиров)).

Помимо присутствия в тексте прямого описания модусов пустоты или мотива пустоты текст может производить скрытое воздействие, результатом которого и является перлокутивный эффект. Таким примером могут быть пропуски, пустые строки в карточках Л.С.Рубинштейна (20. Подумаешь: «Разбуженный могучим взмахом // неосторожного крыла, // Внимаешь с трепетом и страхом // . . . . . дела. // Пока с душой играешь в прятки, // Протоколируя судьбу, // . . . . . без оглядки // . . . . . в гробу.), недоговоренность, обрыв многих стихотворений Д.А.Пригова, повтор речевых штампов, пустых фраз в текстах Т.Кибирова (Мрак да здак, да футы-нуты, // флаг-бардак, верстак-кабак, // елки-палки, нетто-брутто...).

Эмоциональный аспект знака пустоты в поэтическом тексте «собирает в пучок» все следствия описанных прагматических модусов: властность пустоты вызывает тоску и хандру, энтропийная сила – страх, гармонизирующая – медитативное отрешение, «эпохе».

Глава завершается описанием моделируемого в работе внутреннего пространства концепта.

Понятие «пустота» в качестве ядра организует вокруг себя смысловое поле – ментальное трехслойное образование, являющееся внутренней структурой концепта «пустота».

Нами обнаружено три слоя концепта «пустота»:

(1) Основное актуальное значение – ядро поля:

а) отсутствие содержания (при актуализации этого значения сущность пустоты становится признаком);

б) отсутствие формы.

(2) Пассивный признак (центр поля): обесмысливание феноменов культуры.

(3) Условные группы смыслов, приобретаемых концептом как в поэтических текстах, так и в обыденной речи:

а) недоступность для сенсорной перцепции;

б) деформация материи;

в) вредоносная субстанция;

г) тоска, хандра, страх;

д) возможность, потенциальность.

Таким образом, русская лингвокультура объединяет в границах концептуального поля «пустота» рациональный европейский взгляд на пустоту как отсутствие чего-то и восточные характеристики пустоты как потенциальности и гармоничности .

Несинхронность представления различных слоев концепта «пустота» обусловлена обязательным его включением в ту или иную смысловую зону (Москвин, 1997а). Концепт всегда соотнесен с некоторой областью знаний, то есть с конкретным тематическим полем. Только те качества и свойства предмета, которые являются существенными для данной области человеческой деятельности, включаются в концепт. Следовательно, одна и та же реалья, рассматриваемая в различных сферах деятельности человека, будет иметь в качестве соответствия разные черты (слои) концепта.

Тема пустоты, центральная в художественной системе концептуализма, уточняется через внешне-словесные образы «бездны», «прорыва», «пропасти», «зияния», «ямы», «болезни», «хляби» и т.п.

Трехслойное смысловое поле (основной признак, пассивный признак и условные группы) является внутренней структурой концепта. Сам же концепт, функционируя в культуре и языке, создавая связи с другими концептами, организует вокруг себя еще одно смысловое поле, называемое в нашей работе лингвокультурологическим.

Во второй главе «Лингвокультурологическое поле «пустота»» аргументируется выбор лингвокультурологического поля в качестве модели описания объекта. Важнейшей проблемой, рассматриваемой здесь, является системность и целостность интерпретации объекта как культурологического феномена, аккумулируемого языком и выражаемого в нем.

В главе предпринята попытка целостного и системного описания концепта «пустота» на лингвокультурологическом уровне в рамках семиотического поля (Эко,1998:18). Применительно к поставленной в исследовании проблеме семиотическое поле У.Эко является некоторым обобщенным неконкретизированным аспектом лингвокультурологического поля.

В отличие от одномерного семантического поля, ограниченного собственно языковой сферой, ближайшим значением слова, лингвокультурологическое поле характеризуется «двухслойностью», двухмерностью семантики своих единиц. Мы, вслед за В.В.Воробьевым (1994), определяем лингвокультурологическое поле как структуру лингвокультурем, представляющих собой единство знаков, значений и соотносительных понятий о классах предметов культуры. Соответственно, структурно-семантическими компонентами лингвокультурологического поля являются: имя (ядро) и его инвариантный лингвокультурологический смысл (интенционал имени поля); классы (группы) лингвокультурем как единиц – единств собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенционал поля): центр и периферия; парадигматика лингвокультурем.

Так как описанная в первой главе структура концепта «пустота» в качестве ядра оформляет вокруг себя внешнее смысловое поле, планом содержания этого, более широкого, чем концептуальное поле, образования является вся совокупность знаний об изучаемом объекте плюс поэтические и архетипические (подсознательные) представления о пустоте; планом выражения – тематическая и мотивная совокупность лексем, паремий, фразеологических единиц и поэтических текстов.

Концепт «пустота» и целый ряд языковых форм его отражения принадлежат одновременно нескольким семиотическим подсистемам: лексическо-фразеологической, паремиологической, образно-символической, тематико-мотивной.

Языковое отражение наивной философии пустоты носит явные следы архетипических и мифологических представлений, что позволяет говорить об «архетипической основе» языкового отображения пустоты:

а) пустота символизируется; символами пустоты выступают архетипические образы воды, воздуха (ветра), огня, темноты, дыры в небе

или ямы в земле и др (Небеса вверху над ними тают // Почва пропадает в этом месте (Пригов));

б) неразличение полюсных понятий «отсутствие – потенция», характерное для мифологического сознания, открывается в процессе этимологического анализа лексемы пустота и актуализируется в обыденной речи и концептуальных текстах (Полная отсутствия запаха (Пригов));

в) категория женского рода лексемы пустота и большей части ассоциатов, окружающих ее, подтверждает сформировавшееся в русской ментальности отношение к пустоте как к продуцирующему, женскому началу (в художественной системе Д.А.Пригова функционирует окказионализм «махрость», объединяющий в своей семантической структуре всю специфику национального видения пустоты);

г) восприятие пустоты в лингвокультуре глубоко эмоционально и исходит из мифологического представления о непрерывной борьбе полярных сил. Для мифологического мышления в природе нет «нейтральных объектов», поэтому пустота в языке и культуре приобретает качества, актуализируемые паремиями и фразеологическими единицами.

Большинство всех проанализированных паремий, фразеологических единиц и поэтических образов пустоты дали нам основания заявлять, что для русской концептуализации понятия «пустота» релевантным является аксиологический аспект:

- никчемность и бесполезность: Пуст мешок стоять не будет; Пустая мельница бестолку мелет;

- безэмоциональность или глупость: Пустой голове все трин-трава;

- пустословие: Пустая говорка не поговорка; Пустобрех наврет за трех; Пустые слова – что орехи без ядра;

- иллюзорность и фальсификация: Пустая бочка пуще гремит; Пустой колос голову кверху носит.

Отрицательное отношение к пустоте в обыденном сознании становится лишь одной стороной восприятия, оправданной центральной семантической характеристикой пустоты. 'Неизвестность', 'непроявленность' как семантические черты понятия «пустота» предварительно выстраивают схему поэтического образа пустоты.

Однако в русской лингвокультуре функционируют паремии Голь на выдумку хитра, Слово – серебро, молчание – золото, отмечающие творческое

начало пустоты и ценность молчания как модуса пустоты, что свидетельствует о второй стороне восприятия пустоты обыденным сознанием как гармоничного начала.

Задача проникновения в структуру лингвокультурологического поля «пустота», а, следовательно, описания соотношения явления и языковых средств его выражения стимулировала исследование в области дописьменной истории концепта, отчасти реконструкцию соответствующих фрагментов архаической модели мира, отчасти «обнажение» внутренней формы слова.

Проведенный этимологический анализ лексем пустой, пусто, пустота показал, что понятие «пустота» в архаическом сознании ассоциировалось с неспаханым полем, диким животным, дикой природой. 'Неокультуренность' как семантическая характеристика пустоты, реконструированная из внутренней формы лексемы, преломляется в нашем исследовании в 'лишенность', 'ненаделенность смыслом'. Предполагаем, что второй вариант происхождения слова пустой, роднящий его со словом пускать, пускай, пусть, вполне оправдан спецификой концепта, номинированного словом пустота.

Этимология слова играет важную роль в формировании лингвокультурологического пространства концепта, номинированного этим словом. Этимологический анализ раскрывает полноту информации о значении слова, объединяющую современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию. Таким образом, именно этимология дает основания выделять два семантических компонента значений, ставшие источником антонимии в структуре лингвокультурологического поля «пустота»: 'отсутствие' – 'потенция'.

Задача выявления вариативных признаков концепта решалась на основе анализа дефиниций толковых, фразеологических словарей, а также с помощью наблюдений контекстуальных употреблений единиц. Принцип отбора единиц определялся выделением прототипического представления, реализованного на языке дискретных семантических признаков. В результате обработки обнаруженных в поэтических текстах прямых и косвенных обращений к концепту «пустота», нами было выделено пять групп, обозначающих такие фрагменты лингвокультурологического пространства, как 'отсутствие', 'деструкция', 'гармония', 'потенциальность', 'эмоция'.

Учитывая, что литературный текст с точки зрения лингвокультурологии является культурным контекстом употребления лексем, мы описываем лингвокультурологические парадигматические связи, делая упор на способности поэтов эксплицировать «человеческий опыт» переживаний, ощущений, ассоциаций.

Поэзия как искусство слова определяется возможностью говорить по-разному об одном и том же, или, точнее, приписывать одному денотату различные смыслы. Именно возможность говорить по-разному об одном определяет пространство лингвокультурологического поля.

Нами обнаружено, что представления о пустоте, ее свойствах, присущие русской лингвокультурной общности, объективируются также в форме архетипов и символов, эталонов и стереотипов поведения. Соотнесенность данных представлений с мифологическим мышлением, наследование черт архаического сознания, связь с базовыми (прототипическими) представлениями о мире служат основой восприятия, обозначения и описания многих видов, форм, признаков концепта «пустота».

Не только наблюдения над лексико-фразеологическими и поэтическими средствами, номинирующими и описывающими пустоту и ее модусы, но и анализ грамматических средств позволили подтвердить вывод А.Вежбицкой о такой черте русского национального характера, как склонность к пассивности и неконтролируемости, проявляемой в том, что человек мыслится невластным над ситуацией. Русской наивной логике свойственно воспринимать пустоту как самостоятельную сущность, нередко мистическую. Это подтверждается, например, формулой проклятия Чтоб пусто было (кому).

Таким образом, в ментальном представлении текста выделяются принципиально различные семиотические явления, которые соответствуют пустоте как объекту отражения и как способу отражения: первый тип пустоты относится к миру, описываемому в тексте, второй связан с характером интерпретации этого мира автором.

Пустота как феномен в некоторых случаях выступает в качестве средства выражения (отсутствие формы, неадекватность формы содержанию, умолчание, пауза, обрыв) и, будучи таковым, выражает целый спектр имплицитных значений:

- эмоциональная напряженность описываемой ситуации;
- невозможность выражения широкого смыслового поля вербальными средствами;
- увеличение смыслового объема поэтического высказывания.

Поэтические тексты московских концептуалистов относятся в исследовании к разряду эсхатологических благодаря мотиву пустоты, охватывающему все микрополя и тематические группы, описанные в работе. В рамках данного исследования важность приобретает выявление и описание

языковых способов экспликаций мотива пустоты в поэтическом тексте. Будучи кросс-уровневым образованием, мотив объединяет интенцию автора, микрополе или тему, языковой прием экспликации и прагматический эффект знака пустоты. В таком рассмотрении мотив становится универсальной многослойной единицей ЛКП – лингвокультуремой. Основными приемами экспликации мотива пустоты в текстах московских концептуалистов являются: структурные (сбивание ритма, рифмовка одних и тех же слов, косноязычие); семантико-культурные (вневременность, внепространственность как позиция автора, профанация, симуляция); прагматические (квазириторика, банализация, недоговоренность, «дление»).

Далее в работе описываются три уровня формирования мотива пустоты в концептуальных текстах: (1) метафоризация лексем пустота, тишина, темнота и др.; (2) эксплицитное описание пустоты; (3) описание процессов опустошения или состояния пустоты в структурах времени, сознания, мышления, психики.

Теория Ж.Бодрийара, систематизирующая процессы симуляции или опустошения знаков явилась для нас схемой объяснения некоторых поэтических приемов в художественном пространстве концептуализма, самый показательный из них – создание жанра «Азбуки» Д.А.Приговым.

Социолингвистическими проблемами, включающимися в пространство ЛКП «пустота», являются процессы опустошения / симуляции языковых знаков. Показательно то, что кризисная ситуация современной лингвокультуры описывается часто с помощью характеристик и модусов пустоты: нехватка слов, болезнь, симуляция, призрачность.

Концептуальный анализ поэтических текстов обнаружил способность самого языка собственными средствами «реанимироваться». В работе моделируются ступени, по которым проходит языковой знак, приобретая новое или возвращая «стертое» значение. В поэтических текстах происходит следующий процесс: констатация – разрушение – возрождение – обновление языковых форм.

Итак, многообразные средства номинации и дескрипции пустоты, нулевая форма как средство отражения, а также социолингвистическое явление опустошения языковых форм (энтропия в языке) выстраивается в многослойное образование, называемое лингвокультурологическим полем «пустота».

В Заключении кратко излагаются итоги диссертационного исследования, в обобщенном виде формулируются основные положения моделирования лингвокультурологического пространства концепта “пустота”, вырисовывается общая схема: «поле в поле». Данная модель дает

возможность рассматривать сложные многогранные феномены лингвокультуры в их целостности. Исследовательский путь, проделанный в работе (феномен ® понятие ® концепт ® лингвокультурологическое поле) позволил описать взаимосвязи и пересечения явлений различных уровней языка. Феноменологический анализ пустоты отразил связь структуры значения с образами реальности в сознании. Понятийный анализ позволил подойти к описанию первой характеристики концепта – признаково-понятийной. Выстраивание внутренней структуры концепта и внешнего окружения в виде смысловых полей производилось в свете проблемы соотношения лингвистических и экстралингвистических компонентов в структуре значения языковых единиц.

Здесь также обозначаются перспективы и направления дальнейших исследований проблемы.

Так, нами планируется предпринять детальный анализ понятия «лингвокультурема» и его структуры. В данном исследовании уже предприняты подходы к изучению соотношения понятия «лингвокультурема» с понятиями «реалема», «феномен», «понятие», «знак», «прагмема», «символ», «архетип», «концепт».

Поскольку полное распредмечивание концептов предполагает обращение ко всему культурному тезаурусу, зафиксированному в языковых знаках то или иное осмысление концепта носителями языка, то в дальнейшем перспективным видится обращение к языку русской поэзии всего XX столетия.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Два типа языковой личности в концептуальной поэзии // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5 – 7 февр. 1997 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1997. С. 119 – 120.

2. Литературное произведение как предмет феноменологического анализа // Социокультурные исследования: Сб. статей. Вып. 3. Волгоград: РПК «Политехник», 1997. С. 67 – 74. (В соавторстве с Л.В.Щегловой).

3. Симулякр: между именем и вещью в русском концептуализме // Философия в системе духовной культуры на рубеже XXI века: тезисы докл. и выст. межд. научн. конф. (20 – 21 мая 1997 г.). Курск: Изд-во КГПУ, 1997. С. 87 – 88.

4. Метафизические идеи русской концептуальной поэзии // Человек – Философия – Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого

Российского философского конгресса (4 – 7 июня 1997 г.). В 7 томах. Т.2. Философская мысль в России: Традиция и современность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. С. 244 – 245.

5. Московский концептуализм – поэзия эсхатологии // Россия, Восток, Запад: диалог культур. тезисы докладов международной научной конференции г.Хабаровск, 16 – 17 декабря 1997 г. (Часть II). Хабаровск, 1997. С. 141 – 143.

6. Литературное произведение как предмет онтологического анализа // Творчество и культура: Тезисы докладов и сообщений к Всероссийской научно-практической конференции 16 – 17 декабря 1997 г. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1997. С. 161 – 163.

7. Время и пространство поэтического текста // Художественный текст: проблемы анализа и интерпретации. тезисы научной конференции 12 – 13 января 1998 г. Волгоград: Волгоградский муниципальный институт искусств им. П.А.Серебрякова, 1998. С. 23 – 25.

8. Социальная критика русского новояза и проблема языковой пустоты в современной культуре // Языковая личность: вербальное поведение: Сб. научн. тр. / под ред. Н.А.Красавского. Волгоград: изд-во «РИО», 1998. С. 87 – 90.

9. Проблемы дискурса и языковой личности в русской концептуальной поэзии // Человек в современных философских концепциях: Материалы Международной конференции (Волгоград, 17 – 19 сентября 1998 г.). Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1998. С. 392 – 396.

10. Косноязычие и аграмматизм московского концептуализма как онтологическая черта современной русской культуры // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. научн. конф. Волгоград, 6 – 8 окт. 1998. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 89 – 90.

11. Русский концептуализм: онтологическая определенность пустот в языке и культуре // Русский постмодернизм: Материалы межвузовской научной конференции. Библиографический указатель / Под ред. Проф. Л.П.Егоровой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 71 – 76.